

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА,
ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СВЕТЕ НОВОГО РОССИЙСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**Материалы научно-практической конференции
(Томск, ТГУ, 29–31 января 2004 г.)**

*Под редакцией доктора юридических наук,
профессора М.К. Свиридова*

Томск – 2004

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ

О.В. Воронин

Статья 399 УПК РФ устанавливает, что в судебном производстве по условно-досрочному освобождению (далее по тексту – УДО) вправе участвовать прокурор. Традиционно в специальной литературе участие прокурора в производстве по УДО обуславливалось осуществлением надзорных функций¹.

Современная концепция прокурорского надзора определяет одним из критериев предмета надзора деятельность соответствующего субъекта. Это означает, что пределы надзора ограничены не характером и содержанием правоотношений, а институциональной принадлежностью субъекта. Поэтому единые по своей правовой природе отношения, складывающиеся в ходе исполнения приговора, становятся предметом различных направлений прокурорской деятельности. С учетом того, что действующее законодательство исключает суд из объекта надзорной деятельности, в ходе исполнения наказания прокурор осуществляет надзор лишь за деятельностью исправительных органов и учреждений, а при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, участвует в судебном производстве на правах участника, не наделенного надзорной властью.

Существует мнение, что, участвуя в уголовно-процессуальных производствах, не связанных с изобличением лица в совершении преступления и назначением ему наказания, прокурор осуществляет надзор, однако объектом надзора является не деятельность суда (или сам суд), а состояние законности². Едва ли стоит разделять такую позицию. Помимо того, что она не учитывает основные принципы построения надзорной деятельности, проблематично, на наш взгляд, определять результат деятельности (состояние законности), игнорируя деятельность самого субъекта, ведущего производство, поэтому даже в этом случае следует признать, что, надзирая за состоянием законности, прокурор

¹ См.: Спиридонов Б.М. Прокурорский надзор в стадии исполнения приговора. – М., 1983. – С. 59–76.

² См.: Солодилов А.В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. – Томск, 2000. – С. 221; Бойков А.Д. Третья власть в России. – М., 1997. – С. 225.

фактически проверяет деятельность суда, что противоречит его роли в современном судебном производстве. В этой связи, принимая во внимание судебный характер производства об УДО, вести речь об осуществлении прокурорского надзора можно только на досудебных (не уголовно-процессуальных) этапах.

Учитывая осуществление прокурором в производстве по уголовному делу функции обвинения, можно предположить, что основанием прокурорской деятельности в производстве по УДО является поддержание последствий обвинения. Вместе с тем такая позиция также уязвима. Проектируя направленность обвинительной деятельности на производство по УДО, можно предположить, что такие «последствия» должны отражать содержание обвинения, т.е. быть направлены на применение уголовно-правовых ограничений в ходе отбывания наказания. За основу в этом случае можно взять решение Европейского Суда по делу Кэмпбелла (Campbell) и Фелла (Fell) против Соединенного Королевства, определившего критерии отнесения деятельности публично-правовых субъектов в стадии исполнения приговора к уголовному обвинению. Согласно приводимому решению, деятельность государственных органов является уголовным обвинением, если она направлена на применение уголовных или дисциплинарных мер, заключающихся в лишении осужденного льгот или права на досрочное освобождение за правонарушение в ходе исполнения наказания³.

Действительно, деятельность, удовлетворяющая данным критериям, в некоторых случаях может быть определена в качестве разновидности обвинительной, однако она не входит в предмет прокурорской деятельности согласно отечественному законодательству. Вопросы о дисциплинарном воздействии на осужденных за совершенные ими правонарушения решает администрация исправительных учреждений; решение вопросов, связанных с УДО, является прерогативой суда, к тому же российское законодательство в качестве меры воздействия не предусматривает лишение осужденного возможности досрочного освобождения. Более того, активность прокурора может носить разнонаправленный характер. Если в случае оспаривания возможности предоставления УДО ее можно отнести к аналогу обвинительной, то при согласии прокурора с предоставлением данной меры такое отнесение вряд ли возможно. В связи с этим, по нашему мнению, не следует сводить прокурорскую

³ См.: Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2-х т. Т. 1. – М., 2000. – С. 443–446.

деятельность в производстве по УДО к особой форме поддержания последствий обвинения.

Несмотря на нормативное определение в УПК РФ лишь основных функций деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве гораздо разнообразнее и не исчерпывается поддержанием обвинения, осуществлением уголовного преследования и реализацией прокурорского надзора. По мнению некоторых ученых, на прокуроре лежит так называемая правообеспечительная функция, заключающаяся в обеспечении нормального развития уголовно-процессуальных отношений и создании тем самым условий для успешной правоприменительной деятельности⁴. В этой связи возникает вопрос о возможности реализации этого направления в производстве по УДО.

Хотя в литературе нет единства относительно содержания этой функции, представляется, правы те авторы, которые включают в нее наряду с обеспечением прав и законных интересов участников судопроизводства также охрану общественных (публичных) интересов⁵. Разрешение вопроса об УДО прямым образом затрагивает интересы осужденного, администрации исправительного учреждения и общества в целом, поэтому нет сомнений, что такая функция свойственна этому производству⁶. Вместе с тем существует серьезное препятствие для выделения этого направления в рамках процессуальной деятельности по УДО. Предметом правообеспечения охватывается, как правило, только процессуальная составляющая деятельности участников судопроизводства. В производстве по УДО процессуальный элемент настолько не развит, что объективно затрудняет реализацию этого направления. При этом довольно трудно определить содержание процессуального интереса не только участников, но публично-правового интереса. Принимая во внимание, что последний представляет собой сумму интересов потенциальных участников производства, получается, что он включает в себя только интересы осужденных, отбывающих наказания и претендующих на УДО. Таким образом, понимание правообеспечения как охраны и

⁴ Юркевич Н.А. Реализация правообеспечительной функции в стадии предания обвиняемого суду. – Томск, 1991. – С. 16.

⁵ См.: Мартынич Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. – Кишинев, 1982. – С. 34.

⁶ В литературе обоснованно высказывается мнение, что эта функция присуща всем стадиям уголовного процесса. См.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. – М., 1961. – С. 49; Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск, 1974. – С. 62, 66.

защиты сугубо процессуальных интересов в силу упрощенного содержания и дополнительного характера производства фактически делает бессодержательным осуществление этой функции в рамках процессуальной деятельности по УДО.

В связи с этим, принимая во внимание недостаточную развитость процессуального элемента, считаем возможным расширить предмет правообеспечительной функции прокурора в производстве по УДО, включив в него обеспечение не только процессуальных, но и материально-правовых интересов участников производства. Учитывая, что применение УДО затрагивает не только интересы осужденного и администрации, но общества в целом, в ходе реализации обеспечительного направления в этом случае будет учитываться полный спектр публичных интересов, включающий в себя не только интересы осужденных, но и свободных граждан. Однако возможен ли такой подход? Полагаем, да. Отечественное процессуальное законодательство знает случаи, когда реализация правообеспечительной функции направлена на обеспечение не только процессуальных, но и материальных интересов участников и общества в целом. Примером может служить прекращение прокурором производства по уголовному делу на досудебном этапе. Включение в содержание правообеспечительной функции, осуществляемой прокурором, охраны материально-правовых интересов означает превращение ее из второстепенной в производстве по уголовному делу в основную в процессуальной деятельности по УДО.

В юридической литературе предлагается наделить прокурора правом вхождения в суд с ходатайством о возбуждении уголовно-процессуального производства по УДО⁷. С формальных позиций нет препятствий для закрепления такой возможности ни в рамках надзорных, ни в рамках процессуальных полномочий. Более того, учитывая, что законодательство предоставляет возможность прокурору инициировать возбуждение уголовно-процессуальной деятельности по результатам надзорных проверок за исполнением законов, отсутствие подобной возможности при осуществлении надзора за деятельностью уголовно-исполнительной системы вызывает недоумение. Однако в этом случае возникает закономерный вопрос: учитывая, что осужденному предоставляется исключительное право инициирования уголовно-процессу-

⁷ См.: Матвиенко А.Е., Бибило В.Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. – Минск, 1982. – С. 107–108.

альной деятельности, есть ли смысл наделять прокурора аналогичным правом?

На наш взгляд, учитывая осуществление надзора на досудебном этапе производства, для устранения неоправданного дублирования процессуальных прав участников прокурор должен инициировать процессуальную деятельность в исключительных случаях, когда реализация осужденным возможностей по возбуждению ходатайства об УДО незаконно ограничена или же когда возникает реальная угроза общественным интересам в результате удовлетворения необоснованного или незаконного ходатайства о предоставлении УДО. Механизм реализации этого права должен быть аналогичен механизму инициирования процессуальной деятельности осужденным или его адвокатом (законным представителем). Считаем, что возбуждение ходатайства прокурора перед судом о предоставлении УДО должно реализовываться через администрацию учреждения и автоматически влечь за собой ее обязанность представить характеристику на осужденного и заключение о возможности УДО. В этой связи следует дополнить ст. 175 УИК РФ указанием на то, что правом подачи ходатайства в суд наряду с осужденным, его защитником и законным представителем обладает также прокурор. Аналогичные изменения необходимо внести и в ст. 399 УПК и ст. 33 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации».

Подводя итог, отметим следующее:

1. Участвуя в производстве по УДО, прокурор реализует правообеспечительную функцию по охране и защите общественных интересов, выражающихся как в воспрепятствовании освобождению неисправившихся осужденных, так и в содействии освобождению исправившихся осужденных.

2. Прокурор должен вступать в уголовно-процессуальное производство по УДО в исключительных случаях, когда реализация осужденным возможностей по возбуждению ходатайства об УДО незаконно ограничена или же когда возникает реальная угроза общеправовым интересам в результате удовлетворения необоснованного или незаконного ходатайства об УДО.